

НАТАЛИЯ САЦ

Новеллы моей жизни

*Пусть пульсирует мысль,
которая сегодня
хочет осознать вчера
во имя завтра.
Наше общее завтра!*

НАТАЛИЯ САЦ

УДК 792.071.2:929(470)
ББК 85.85.334.3(2)6-8
С22

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Владислава Воронина

Изображения предоставлены
Федеральным государственным бюджетным учреждением культуры
«Московский государственный академический детский музыкальный
театр имени Н. И. Сац».
Российским академическим молодежным театром

Издательство благодарит
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Московский государственный академический детский музыкальный
театр имени Н. И. Сац» и лично Зинаиду Дмитриевну Мясникову,
Марину Владимировну Шалину и Павла Усенко.
Российский академический молодежный театр и лично
художественного руководителя театра Алексея Владимировича
Бородина, директора Софью Михайловну Апфельбаум и хранителя
архива Ольгу Александровну Олпину за неоценимую помощь
в подготовке этой книги.

Сац, Н.

С22 Новеллы моей жизни / Наталия Сац. — Москва : Издательство
АЗБУКА, 2025. — 896 с. + вкл. (32 с.) — (Персона. Актерская книга).

ISBN 978-5-389-27222-4

«Путешествие по эпизодам одной жизни, остановки около интересных
людей. Эту книжку можно было бы назвать и так. Вымысла здесь нет, а ви-
дение всегда индивидуально. Память фиксирует не фотографии, а яркие
пятна пережитого», — так начинается свою книгу Наталия Ильинична Сац.

«Новеллы моей жизни» — повествование о времени, о себе и о лю-
дях. Актриса, режиссер, основательница всемирно известного Детского
музыкального театра Наталия Сац собрала «все пятна пережитого» в пе-
стрый калейдоскоп.

Интересных людей в жизни Наталии Ильиничны было немало:
с большой теплотой вспоминает она о Сергее Прокофьеве, Дмитриии
Кабалевском, Алексее Толстом, Галине Улановой и многих других.

И пережито было очень много: ранняя смерть отца, трагическая
гибель любимой сестры, арест мужа, последовавший за ним собствен-
ный арест. Как и многих ее современников, Наталию Сац спасало
творчество, целительная сила искусства и — вера в мечту. Она мечтала
о создании детского театра, и мечта ее в конце концов осуществилась.
«Мать детских театров мира» — звание, единогласно присужденное На-
талии Сац на первом заседании международного центра Международ-
ной Ассоциации театров для детей и молодежи.

УДК 792.071.2:929(470)
ББК 85.85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-389-27222-4

© Сац Н. И., наследники, 2025
© Оформление.
Издательство АЗБУКА®

Путешествие по эпизодам одной жизни, остановки около интересных людей. Эту книжку можно было бы назвать и так.

Вымысла здесь нет, а видение всегда индивидуально.

Память фиксирует не фотографии, а яркие пятна пережитого.

Жизнь выдалась интересная. С детства меня окружали замечательные люди. С детства меня научили замечать интересное в каждом человеке. Человековедение! Какая это необходимая наука. Или искусство?

В искусстве театра без нее ничего не создашь, не сумеешь повести за собой.

Жизнь моя началась еще при царе. «Боже, царя храни» пела в хоре музыкальной школы, когда мне было шесть лет. В шестнадцать руководила Детским театром Московского Совета.

В шестнадцать лет среди опытных я была «старшей», а в шестьдесят восемь чувствую себя молодой.

Возраст — это не итог лет, а количество творческих планов, которые ты по-прежнему хочешь и можешь осуществить. Репетиции новых постановок, выступления, поездки и строительство нового здания нового театра — какое счастье, когда многогранная динамика жизни неотрывна от твоего «я».

Читатель, скажу тебе по секрету: я боюсь мемуаров, подведения итогов жизни тех, кто уже не действует в ней.

Уважаю, но... боюсь!

Пусть пульсирует мысль, которая сегодня хочет осознать вчера во имя завтра.

Наше общее завтра!

Я верю в тебя.

Москва, 1971 год

Здравствуйте, я родилась!

Роман, в результате которого я появилась на свет, произошел в городе Монпелье, на юге Франции. Как оказались там мои будущие родители?

Дочь генерала с Украины Анна Щастная приехала в Монпелье учиться на медицинском факультете по совету старшего брата. А мечтала она о занятиях пением в Италии.

Студент Московской консерватории Илья Сац в Монпелье эмигрировал. Иначе было нельзя: он прогневил отечественную полицию. Чем?!

Студент честно готовился к экзаменам по классу виолончели, когда вспыхнул голод на Волге. Человек горячего сердца прерывает свои занятия в консерватории во имя спасения людей. Его молодую энергию подмечает Лев Толстой, передает Илье Сацу собранные им пожертвования. Сац отправляется на Волгу, организует столовые для голодающих — пять тысяч детей и взрослых возвращены к жизни.

Хорошо? Оказывается, нет.

Полиция недовольна горячностью, вольными речами «неблагонадежного» студента. Родные помогают ему, не медля, уехать за границу.

И вот — южный городок, уснувший в зелени, тишина леса, сочные пастбища, кареглазые коровы с колокольчиками, виноградники на склонах гор, ясное голубое небо. Вероятно, в первые дни все это чарует обоих русских, случайно попавших в один и тот же пансион и еще не знакомых друг с другом.

Но однажды Илья Сац слышит в окне второго этажа чудесное сопрано, русскую речь.

«Не ис-ку-шай ме-ня без нуж-ды», — несется из окна. Юноша мчится в свою комнату, на мансарду, хватает виолончель и снова вниз, под окно поющей...

— Первое, что сблизило нас, — стремление к музыке, — застенчиво говорила мне много лет спустя моя мама, словно извиняясь за огромное чувство к отцу, которое она пронесла через всю свою жизнь.

Но родилась я не на юге Франции, а в суровой Сибири. Вот как это произошло.

Мама оставалась за границей, еженедельно путешествуя на уроки пения из Монпелье в Италию, когда отец решил срочно окончить консерваторию и вернуться в Москву. Увы, полиция его не забыла. Были известны и его встречи за границей с Г. В. Плехановым, В. В. Бонч-Бруевичем, многими революционерами. У отца произвели обыск. Пополз слух, что его собираются сослать в Сибирь.

Ах так?

Человек внезапных решений, Илья Сац «предупреждает события» — берет виолончель, учебники, дневники¹ и сам себя отправляет в Иркутск — Сибирь. Родные не скрывают своего раздражения. Навязчивая фантазия! Пусть на их помощь больше не рассчитывает.

Илья Сац поселился на окраине Иркутска у чахоточной старухи в полуразвалившейся избе с выбитыми стеклами. В жилище то вползал едкий дым пожара далекой тайги, то врывался ледяной ветер мутно-зеленой, никогда не замерзающей Ангары.

¹ В эти годы отец, по его собственному выражению, был «занят прислушиванием к себе и формированием самого себя». Все впечатления жизни он заносил в свой дневник. «Смотрю ли я на фотографическую карточку, вижу ли людей, вспоминаю ли свое отношение или случай, у меня одно страстное желание запечатлеть, написать на бумаге, рассказать. Я так жадно об этом думаю, как будто мне сказали, что меня через два-три дня лишат этой способности».

Ни гроша денег.

Еще так недавно страна лазури, бездумные барашки в горной траве, вершина первой любви, и вдруг... обвал. Бездна.

...Нет, не могу я заснуть и забыться.
В сердце волненье растет и растет.
Может ли ветер холодный кому покориться?
Может ли звезд не блистать хоровод?
Нет, мне не надо забвенья, не надо покоя...
Если же счастья нам не дано,
В море сомнения,
В самую бездну отчаяния
Я брошусь, я брошусь
На самое дно¹.

Он был беззащитен и бесстрашен — даже в бреду стремительно действовал, бросал вызов всем и всему. Бросал. Сам. Он — нищий, да еще и «неблагонадежный нищий». О браке с красивой девушкой из хорошей семьи — забыть. «Не искушай» будет во мне звучать, пока жив, и это все.

Порвать. Уничтожить.

Обрывки мыслей, обломки слов долетели до Монпелье. По закону вероятности Анна должна была вскинуть хорошенькую головку и гордо ответить: «Все кончено». Но ей было дано, минуя слова, воспринять существо скачущих букв того, кого она полюбила.

Он тяжело болен. Это ясно. Значит, ариведерчи, Италия, Франция! Ее место сейчас в Иркутске.

Представляю себе приступ кашля иркутской старушки, уже потерявшей надежду получить деньги с больного

¹ Много позже эти стихи К. Бальмонта зазвучали у отца музыкой — он написал романс. Но метущиеся ритмы, диссонансы звуко сочетаний родились у него в дни болезни в Иркутске. Это он сам говорил.

жильца, когда она увидела на пороге своей хижины нарядную девушку в сопровождении носильщика с заграничными чемоданами и большой корзиной, так вкусно пахнущей швейцарским шоколадом.

Ну а папа, вероятно, подумал, что его бред продолжается, но принял удивительно приятные формы.

Оказывается, он понятия не имел, что мама приехала к нему не одна, и, чтобы окончательно закрепить любовь родителей, однажды громким криком я возвестила о своем рождении. К тому времени мама уже перевезла еще большого папу в хорошую двухкомнатную квартиру, и, говорят, отец мой был очень удивлен, услышав рядом со своей комнатой незнакомое ему очень решительное контральто.

Затем родители, держа меня на руках, пошли «жениться». Так, «не как у людей», началась моя жизнь. Имя мне дали тоже с опозданием, когда у меня развились «хватательные движения». Сделали три записки: «Тамара», «Ирина», «Наташа» — и подсунули их мне. Я вытащила записочку, на которой было написано «Наташа», и очень этому рада. Ну какая была бы из меня Тамара? Даже смешно! Ирина мне тоже не подходит. А родители усмотрели в моем поступке нечто необыкновенно важное: если бы Лев Николаевич Толстой не собирал пожертвований в пользу голодающих — папа, может статься, не поехал бы на Волгу, не вызвал бы гнева полиции, не попал бы в Монпелье, не встретился бы с мамой, а значит, я бы не родилась... А кто был любимой героиней романов Льва Толстого? Для моих родителей — Наташа Ростова. А как было ее имя и отчество? Наталия Ильинична. Родители не могли нарадоваться недюжинной «проницательности» своей новорожденной.

Заразительный смех теперь несся из квартиры родителей очень часто, но и трудности продолжались.

Мама моя была человеком правды, талантливым и само-
бытным. Она верила, что отец поймет и простит ее «само-
вольный» брак с Ильей Сацем.

Михаил Иванович Щастный вместо благословения при-
слал ей проклятие. «Я не для того прожил такую долгу жизнь,
чтобы отдать любиму дочку еврею, да еще, как говорят, по
матери с цыганскими кровями».

Анну Щастную лишили приданого, всякой родитель-
ской помощи¹.

Илья Сац узнал о переписке с генералом — так он назы-
вал моего деда — случайно.

— Все правильно, — весело сказал он, выбрасывая дедо-
во письмо. Настроение моего отца стало неожиданно бод-
рым, предельно жизнедеятельным. — Сегодня меня в Ир-
кутске никто не знает, но завтра...

Он умел верить в свое «завтра», увлекаясь, увлекать многих.

Да, Илья Сац крепко решил «завоевать Иркутск музы-
кой». Проходит несколько месяцев, и среди жителей этого
города из самых популярных — Илья Аннин².

Илья Аннин — музыкальный критик и фельетонист га-
зеты «Иркутские ведомости». Илья Аннин — талантливый
виолончелист, без участия которого не обходится ни один
«большой» концерт. Илья Аннин — педагог иркутского
отделения Императорского музыкального училища. Илья
Аннин — неугасимое пламя вечно новых задумок, органи-
затор огромного хора «Иркутск поет».

«Хор собирается совершенно необыкновенный по ко-
личеству и составу певцов — тут и ссыльные, тут и власть

¹ У моей мамы в то время был жив только отец. Мать ее, Надежда Ми-
хайловна, урожденная Иванова, скончалась задолго до тех лет.

² В благодарность маме, вернувшей ему веру в себя, отец в Иркутске
взял себе псевдоним Аннин.

имущие — местные тузы, и беднота — все это, увлеченное Сацем, соединялось и репетировало с ним дни и ночи, пока он не довел хор до такого совершенства, что можно было, наконец, дать грандиознейший концерт»¹.

Очевидцы говорят, что каждый участник этого хора был его пламенным энтузиастом, что отец написал для этого хора интереснейшие произведения, что хор имел огромный, потрясающий успех.

Но в этой «огромности» таилась и опасность. Однажды подмости, на которых стоял хор, выступая перед публикой, не выдержали его тяжести и в самом патетическом месте, когда хор грянул «Вырыта заступом яма глубокая», рухнули вместе со всеми певцами и молодым дирижером...

Это сенсационное событие еще больше подняло популярность отца в городе Иркутске.

Кульминация. Точка. «Нам» уже больше нечего завоевывать в Иркутске. Все втроем отправляемся в Москву.

«Иван Сергеевич»

Москва. Год 1904-й. Двухэтажный деревянный дом в Калашном переулке.

Отцу были нужны и люди, и полная тишина. Вперемежку. Пусть квартира похожа на сарай, но туда можно и позвать многих, и уйти от всех.

Не знаю — мое это воображение или помню, но перед глазами входная дверь с жестяным навесом в глубине двора, темная передняя, направо комната с деревянным столом и деревянным диваном, потом совсем пустая комната,

¹ Илья Сац. М., 1968, с. 18.

за ней — папина, где стоят пианино и виолончель. На втором этаже мы с мамой — туда ведет деревянная лестница.

Полиция, видимо, забыла о существовании моего отца. И очень кстати: в этом году у него скрывался Бауман.

Сейчас один из самых больших районов Москвы называется Бауманским. Имя Баумана с гордостью носят многие заводы и высшие учебные заведения, а тогда... Мама рассказывала:

«Было около 12 ночи. Отец лихорадочно оканчивал свое музыкальное образование. Ушел с утра, вернется голодный. Ждала.

Шорох около входной двери.

— Кто там?

Тихое: «Я».

Открыла, хотела спросить: «Почему не позвонил?», но он не один.

Пропустил первым в дверь худого юношу с русой бородкой, в поношенной студенческой тужурке. Юношу? На продолговатом лице тени и морщины...

Отец приучил меня не удивляться появлению в любое время дня и ночи его новых знакомых. Я провела мужчину в серой тужурке в комнату, пригласила сесть, протянула ему руку. Он, как в лучших домах, изящно поклонился, поцеловал руку.

Какие холодные были у него губы! Долго потом не могла согреть свою правую руку: вползло ощущение осеннего дождя, промозглой сырости...

Когда я вернулась в комнату с дымящейся картошкой, незнакомец поднял голову с нескрываемым интересом. «Рад, что теплая», — подумала я, глядя, с каким удовольствием он ест нехитрое кушанье. У него были красивые платиново-русые волосы, тонкие длинные пальцы.

Но вдруг его рука с вилок как-то повисла: узкие серые глаза слипались от усталости.

Отец быстро принес подушку, одеяло, новый знакомый сложился вдвое: диван-то был «сидячий». Забыл о нас и ментально уснул, не раздеваясь.

Отец поправил шторы на окне, проверил запоры входной двери, взял меня за плечи и повел в другую комнату.

— Как зовут твоего нового знакомого?

Он ответил не сразу:

— Иван Сергеевич, — и перевел разговор на другую тему.

Недели через три отец повел меня в «богатый дом».

Столы ломились от изысканных кушаний и дорогих вин, накрытых «запросто» — la fourchette. Мужчины толпились поблизости, «из вежливости» не рискуя ко всем этим яствам прикоснуться.

На золоченых, обитых атласом креслах сидели разряженные дамы и... позевывали, прикрывая рот веерами из страусовых перьев.

Мы вроде бы совсем не вязались с этой роскошью, но отца встретили радостными восклицаниями, кто-то даже зааплодировал. Уже знали: если будет смеяться он, будут смеяться все. Вина он не любил — сам обладал свойствами шампанского.

Брызги его остроумия быстро уничтожили отчужденность и скуку, заискрилось веселье. Как-то «сам собой» возник импровизированный спектакль.

Дамы с веерами превратились в пальмы и другие тропические растения, более молодые — в поезд негоциантов, отец был автором тут же созданного им сценария, пародировавшего модную тогда пьесу; он же был режиссером и импровизировал «музыкальное сопровождение», то и дело выскакивал из-за рояля, так как исполнял и главную роль — краснокожего индейца. Стоит ли говорить, что

страусовые перья и дамские шляпы нашли себе неожиданное применение для его «индейского» костюма.

Отец был признан «душой общества».

Поздно вечером пришли еще двое гостей: артист Художественного театра Василий Иванович Качалов и статный, гладко выбритый мужчина в дорогом черном костюме и золотом пенсне. Качалова встретили приветственными восклицаниями, его спутника — недоуменной паузой.

— Друг моего детства... ненадолго приехал погостить в Москву... не мог оставить одного...

Конечно, хозяйка дома заулыбалась, повела к столу.

В одиннадцать часов гостей ждал еще один сюрприз: появился небольшой оркестр, были объявлены танцы, забавные призы для лучшей дамы и кавалера.

Изящно поклонившись, спутник Качалова пригласил на первый вальс хозяйку дома и... произвел сенсацию. Его тонкие с полуулыбкой губы были крепко сжаты — видимо, не любил разговаривать, но осанка, умение вести даму, мужественность, грация... все взоры были теперь устремлены на него. Вот он — лучший кавалер!

Дамы, не скрывая, мечтали получить его приглашение на очередной танец, выпрашивали у Качалова, какой титул у его друга, и Качалов со смехом отвечал: «Иван-царевич».

Один тур вальса выпал и на мою долю. Вот это так кавалер! С ним не танцуешь — летишь! Но... где я его видела прежде?

Отцу уже давно надоела эта шумиха и, забравшись в комнату подальше, где тоже стоял рояль, он импровизировал один, уже всерьез.

Я подошла к портьеру в тот момент, когда из другой двери к нему подошел... красавец в черном.

Значит, он его знает?! Осталась стоять за портьерой. Услышала музыку и затем... голос Ивана Сергеевича:

— Ты очень талантлив, Илья¹.

Да, теперь я узнала, кого он мне напоминает, по голосу, точно. Но... тот был старше, бедно одетый, с бородой, а этот... и почему он со мной даже не поздоровался?! Все же ясно — тот самый.

Иван Сергеевич осторожно подошел к окну и вдруг в совсем другом ритме метнулся к отцу: оба исчезли.

Я вошла в опустевшую комнату, подошла к окну. На тротуаре против парадного стоял неприметный человек в тесном пальто и обвислой шляпе. Он непрерывно глядел на этот дом. «Глаза, как буравчики», — подумала я.

Ничего не поняла, пошла искать отца. Он вместе с Качаловым, отозвав хозяйку дома в сторону, горячо убеждал ее «оставить ночевать Ивана Сергеевича лучше всего в библиотеке ее мужа, так как у него бывают внезапные приступы мигрени, когда его необходимо изолировать от шума, запретить комнату с обратной стороны».

Отец рассказал мне, как на следующее утро, когда «неприметный в фетровой шляпе» продолжал стоять против входной двери, туда подкатила роскошная коляска, запряженная рысаками. Из нее величественно вышла знаменитая артистка М. Ф. Андреева в сопровождении хорошенькой служанки с картонкой в руках. Андреева позвонила в парадное и прошла в дом. Через полчаса она снова села в коляску. Ее сопровождала служанка чуть выше первой. Золотистые кудри, выбиваясь из-под крахмального чепца, полузакрывали ее тонкое лицо. Рысаки быстро умчали знаменитую артистку и ее «спутницу».

— Его отвезли к Савве Морозову, миллионеру, гениальному сумасброду, понимаешь?

¹ Эти слова Баумана, обращенные к моему отцу, было бы неудобно цитировать со слов матери. Спасибо мемуарам артистки Н. И. Комаровской, слова эти напечатаны и в ее книге.

Я ничего не понимала.

Тогда отец доверил мне строжайшую тайну. Никакого Ивана Сергеевича не существует. Это — знаменитый революционер Николай Эрнестович Бауман. Вся полиция поднята на ноги, чтобы его выследить, но он борется за будущее народа и в этих условиях.

Недавно с орехово-зубовскими рабочими он готовил забастовку. А Савва Морозов — глыба! На его же фабрике Бауман поднял рабочих, а он все это знает — русский самородок, но масштабы у него дьявольские. Разрешил Баумана на несколько дней в своем доме укрыть!

Меня восхищал и Бауман, и... мой муж, твой отец, — продолжала мама. — Совсем еще молодой, а сколько незащищенного пережил уже от той же полиции. Сейчас только что осел в Москве, начал строить жизнь по-настоящему и снова готов рисковать всем... влюблен в легендарного героя, в его большую правду!

Бауман появлялся у нас в любое время ночи, оставался, сколько ему было нужно.

Однажды он попросил разрешения пройти на второй этаж, «туда, где спит Наташа». Печка там была теплая, отца дома не было. Николай Эрнестович рассказывал мне о казематах Петропавловской крепости, потом я пошла вниз, на кухню, напоить его чаем.

Поднимаюсь снова по лестнице — слышу твой затихающий плач и вижу, как Николай Эрнестович бережно носит тебя на руках, прижимает к себе, мурлычет какую-то ласковую песню.

Я рассмеялась:

— Во многих видах, Николай Эрнестович, я вас уже видела, а вот таким... домашним представить себе, пожалуй, не смогла бы.

Он бережно положил тебя, сладко уснувшую, в кровать, сел на детскую табуретку и сказал тихо:

— Если бы вы знали, как остро тоскую я иногда по детям, семье...».

В 1905 году Баумана убили.

Похороны его превратились в огромную демонстрацию рабочих, революционного студенчества, многих тысяч честных людей. Полиция запретила хоронить его с музыкой, но музыка и революционные песни то и дело «вспыхивали». Илья Сац с товарищами по консерватории организовали невидимый оркестр. Один скрипач стоял у подъезда, другой в воротах, кто-то сидел у открытого окна за роялем, дома. Никакого сборища музыкантов не было, но, когда тело Николая Эрнестовича пронесли по переулку, вдруг зазвучал траурный марш Шопена в исполнении невидимого оркестра. Илья Сац дирижировал им, стоя на крыше, за трубой двухэтажного дома. Полицейские метались по переулку, но ничего не могли понять... Отдельные выходившие из домов люди с футлярами для музыкальных инструментов не давали основания для ареста.

Первая гастроль

Меня иногда спрашивают, когда я в первый раз выступала в театре.

Смеяться не будете? — Когда мне было всего около года.

Как это произошло?

Отец окончил свое музыкальное образование, получил диплом «свободный художник» и, не знаю уж как, оказался в имении Антона Павловича Чехова. Наслаждался уединением, да и с деньгами, верно, было совсем туго. Слишком свободны были многие свободные художники тогда от возможности применить свои силы. Но времени отец не терял. Вот строчки из письма к моей маме:

«...Я стал писать, писать много и легко. Прорвалась какая-то плотина, какой-то нарыв, более десяти лет мучивший меня...

За четыре дня я написал три части сонаты, два романа, штук семь начал без конца, четыре конца и одну середину. ...Но не в этом дело... до сих пор написанное я посвящал то Шопену, то Мендельсону и чаще всего Григу.

Но... среди томных септим Шопена, секст Мендельсона, грустно-игривых уменьшенных квинт Грига мне чудятся и прорываются иные, мои звуки. Хочется сблизить гармонии, не надо секст, и квинтами и терциями уж много сказано, нет, мне хочется говорить секундами, большими, увеличенными и, наконец, малымя. Ах, малая секунда!

Ведь это сближение, почти унисон! И какой мучительный диссонанс в этом «почти!»»

Но уединенная работа на «глубокой волне» прервана: письмо из студии. Письмо за письмом, наконец, телеграмма: К. С. Станиславский предлагает Илье Сацу написать музыку к драме М. Метерлинка «Смерть Тентажиля», которую ставит в Студии на Поварской режиссер Всеволод Мейерхольд.

Кто «подсмотрел» композиторское дарование Ильи Саца, кто рассказал о нем Станиславскому? Педагоги консерватории? Вряд ли. Может быть, участники его импровизаций на вечеринках, кто-то из писателей или артистов...

Отец польщен. Едет «для личных» переговоров в Москву. Вот отрывок из его письма к матери.

«Пришелся ко двору. Предлагают заведовать музыкальной частью (оркестр, хор).

Посылаю тебе рапорт Мейерхольда Станиславскому. Вот он! «Пьеса:

¹ Печатается с сокращениями (Илья Сац, с. 55–56).

НОВЕЛЛЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

«Смерть Тентажиля»

Беседа вторая.

Начало в 7 ч. Окончание в 10 1/2 часов.

Замечания: выправляется текст ролей. Потом снова беседа, которая сильно подождлась присутствием молодого композитора «из новых» Ильи Саца, который экспромтом принимает самое горячее участие в беседе. И странно, не имея никакого предварительного разговора со мной, он высказывает те же взгляды на душу метерлинковского творчества.

Устанавливается:

Уметь отделаться от старых авторитетов: Бетховен хорошо, не-Бетховен тоже хорошо, потому что «я». Надо уметь дерзать, не идти по проторенной дороге. Глубоко верить в силу того, что «я» каждого из нас может сказать. Пускай пока не идет за рампу, пускай пока будет не то новое, чем то старое.

Не могу передать на бумаге всей прелести нерва, каким жила труппа в этот вечер, но в их сердцах я, наконец-то, подсмотрел то биение, какое послужит нашему благополучию. В добрый час!

Вс. Мейерхольд 13 июня 1905 г.»

Для отца уже нет дней и ночей. Он отдается новому делу весь, без остатка.

В театре без любви к коллективному не создашь настоящего. Днем — репетиции, ощущение биения творческого пульса каждого исполнителя, общение с режиссером, художником, все большее проникновение в мысли автора, а ночи... «бессонные, с широко открытыми во тьме глазами»¹.

Он не допускает проторенных троп в своем творчестве, большая цель требует поисков новых звучаний, той же

¹ Из дневников И. А. Саца (см.: Илья Сац, с. 57).

психологической правды, достоверности, которую он ощущает в действии. «Все не то. Проклятое «не то». Видно, мое желание писать *свое* просто — зуд черепахи, тянущейся к небесам из болота... Подхожу к роялю, и стоны отчаяния не находят себе места в этой банальной гамме из полутонов, в этом салонно слащавом ударе молотка по струнам... Ветер воет в трубе, хлопает ставень, заплакала старая дверь на ржавых петлях... Конечно, музыка не этот ряд белых и черных зубов, расставленных в порядке, как городовые.

Зачем нет регистра «ветер», который интонирует десяти-ми тона? Мое переустройство должно начинаться с тембров. Надо включить новые оттенки, как смех, шелест, стон, журчание, стук. И тогда я скажу свое — «здравствуй!»...

Музыка создается для оркестра и хора. Композитор нашел хорошие, молодые голоса, певцы рвутся показать силу звука, темперамент, но... зачем все это в смерти Тентажиля?!

«Вы поете, как оперные любовники в голубом трико, а на сцене умирает ребенок... К чему здесь ваша диафрагма?!»

Композитор «велит петь хору с закрытыми ртами, присоединяет к оркестру шуршание брезентов, применяет каким-то особым образом трепещущие медные тарелки, ударами воздуха из мехов заставляет звучать гонг и добивается, наконец, впечатления, которого не забыли до сих пор все, кто присутствовал на этой репетиции»¹.

Но отец никак не может найти кульминацию — внезапный крик почувствовавшего приближение смерти ребенка. На каждой репетиции он ищет нового решения. То одному, то другому инструменту, то хору поручает пробовать вновь и вновь им для этого места написанное — не то... Не то. Не то!

¹ Илья Сац, с. 28.

«Сац умел зажечь оркестр и хор, сделать всех сообщниками в достижении своих задач — на это у него были совершенно исключительные способности.

Но, достигнув многого, Сац все же был недоволен, все еще чувствовалось, что где-то в люке стоит хор и поет по палочке дирижера»¹.

Внезапность, непосредственность правды детского крика — вот то «чуть-чуть», которого ему так не хватало.

Вероятно, я мирно спала в своей кроватке, когда отца вдруг «осенило».

Он примчался домой, закутал меня в одеяло, положил в карман бутылочку с моим прикормом и, воспользовавшись тем, что мамы не было дома, помчался назад на генеральную репетицию.

Справа около дирижерского пульта он составил два кресла, положил туда меня в одеяле, пробормотав музыкантам, что жены нет дома, дочку нельзя оставить одну, а лежать она будет тихо, так как ее жизнь в музыке началась со дня рождения и даже значительно раньше.

Музыканты были заняты генеральной и не обратили на это, конечно, никакого внимания.

Сцена ужаса подошла как раз к десяти, началу одиннадцатого. В это время мне полагалась овсянка из бутылочки. Говорят, я проснулась и лежала совсем тихо во время игры оркестра, пения хора и шуршания брезентов. Когда дошло до места «ужаса маленького Тентажиля», левой рукой продолжая дирижировать, правой отец поднес к моему рту бутылочку и, не успев я проглотить, выдернул ее обратно.

С таким предательством я тогда еще не была знакома — заплакала, закричала на полную мощь, а в нужном месте затихла, так как мне дали мою овсянку.

¹ Там же, с. 28.

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

НАТАЛИЯ ИЛЬИНИЧНА САЦ

Новеллы моей жизни

Ответственный редактор *Ю. Раутборт*
Художественный редактор *В. Воронин*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *Л. Асанова, В. Алексина, А. Магрилова*
Подготовка иллюстраций *А. Сирватко*
Компьютерная верстка *С. Иванова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.09.2025.

Формат 60×88 ¹/₁₆, Гарнитура «SwiftС».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 56,0.

Тираж 3000 экз. Т-АВК-36224-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)